

Российская
литература

№ 01'2017 (39)

Елена

Корнеева

Работает первый год в сельской школе учителем. Преподает биологию.

Очерк

«А слезы дарила снопам...»

Я долго готовилась к встрече с труженицей тыла Рокшиной Александрой Александровной. На мой стук открыла сама хозяйка. Ее добрые глаза радостно светились, она тут же нашла старенькую табуретку, усадила. И тут она с удовольствием начала рассказ о своей нелегкой молодости, юности, которая пришлась на время войны. В ту пору ей было пятнадцать лет. Семья была неполная, отец ушел на войну: чтоб вырастить остальных детей, старшей пришлось вместе с матерью работать. Доучиваться не было времени. О труде Александра Александровна вспоминает с гордостью.

— Труд закалил мой характер, — говорит она, прихлебывая чай из чашки. — Собралась идти на фронт, а мать не дала, удержала, боялась, что сгину где-нибудь в пекле войны. Все воспоминания живут в моем сердце. А у сердца есть память. Никогда не думала я, что мои рассказы кто-нибудь будет слушать. А в годы войны для своих односельчан я была просто Шурочка.

Она немного задумалась, вышла из-за стола, оглядела меня. Голос у нее изменился, слезой блеснули голубые озорные глаза, но все же она продолжала рассказывать, а я тихо, затаив дыхание, слушала.

— Во время войны в деревне мужиков-то не было, а если и были, то их по каким-то причинам не брали на войну, — продолжает баба Шура. — Бабы постоянно высмеивали их, бросали в след: «Что, рылом не вышли?» Мужики на эти слова обижались, уединялись где-нибудь, чтобы загасить свою злость на строптивых баб, затягивались самокруткой, от едкого дыма начинали кашлять, и бабы, смеясь, говорили: хватит пазить. И мужики принимались за работу.

Хлеб, — Александра Александровна задумалась, сделала глоток чая, потом продолжила свой рассказ: — убирали вручную. А во время уборки очень часто жили на стане. Там была небольшая бревенчатая избушка и сарай для обмета снопов. Посреди избы стояла русская печь, она все время топилась.

Российская литература

на кирпичах мужики сушили портянки. Вокруг печи была протянута веревка, на ней сушилось постиранное бабами белье. По бокам были полаты, сколоченные из деревянных досок, на них и спали. Матрацев не было — вместо них тюфяки, набитые соломой. Косили пшеницу вручную. Чуть свет мужи уже отбивали на наковальнях косы. Я вязала снопы, которые складывала в скирды.

Баба Шура умолкла. Я ей задала вопрос: «А трудно было во время войны?» И она снова рассказывает. Ее рассказ становится еще интереснее:

— С утра вроде целое некошеное поле — а к вечеру повсюду скирды стоят. Трудно было. Подойду к снопам, уткнусь в них, плачу. А слезы так и катятся по стеблям пшеницы и прямо в подол старенького платьица, пропахшего потом. И вроде слез-то никто не видел, а бабы все равно догадуются, обязательно спросят: «Что, Шуручка, снова снопам слезы дарила?» А я на их вопрос отвечала шуткой, заводила их. И вот пройдет минута, другая. Начну с частушки, а бабы смеются.

По вечерам на стане спать не очень-то хотелось. И вот избушка, похожая на избушку Бабы-Яги, в которой вместо стекол были забиты старые тряпки, превращалась в штаб особого назначения. Вдоль стен расставлялись лавки, на дощатом, тщательно выскобленном ножами столе, в старой консервной банке зажигали оплавленный огарок свечи, который с каждым часом становился все меньше и меньше, и вот наступала, к сожалению, такая минута, когда она уже почти не светила, лишь пыхла, выпуская из себя неприятный запах парафина. И тогда на помощь приходила луна, яркая, румяная, она золотом осыпала небольшую комнату, в которой в каждом углу плели паутину еще не вставшие в спячку пауки. Даже они на время лунного сияния прекращали свою работу, любясь ее красотой.

Обсуждали почти до хрипоты последние военные события, а потом читали пришедшие с фронта письма, но некоторые женщины мяли в карманах похоронки на своих мужей. Плакали про себя, но слезы прятали, смахивая их украдкой простым ситцевым платком, подаренным когда-то мужем.

Похоронки обычно привозили в деревню с обозом, который приходил за снопами. Умершего воина оплакивали все, поминали погибших скупое. На дощатый неструганный стол выставляли бабы самогон, огурцы, капусту, картошку, сало, хлеб. На дно бутылки с самогом опускалась звездочка. Ее бросал бригадир. Взбалтывал бутылку несколько раз, а потом разливал, но пили мало, все больше молчали.

— Мне было в то время пятнадцать. Мне разрешили на коне возить воду на стан. А лошадь была беспокойная, боялась всяких шумов. Увидит в деревне собаку, удила закусит и на дыбы. А силенок-то в руках у меня маловато было. Не могу коня удержать, вывалюсь из телеги в лужу, а он мчится один на стан. А однажды ушел на чей-то покос. Я его еле отыскала! Он как услышит мой голос, так копытом бьет по земле. Бабы кричат: «Шуручка, жеребец жрать хочет».

Российская литература

Во время уборки хлеба домой нас не возили. Здесь же и мылись. Рядом с избушкой был сарай, в нем на время уборки ставилась железная печь. На эту печь ставили котел с водой. Вода в котле кипела, в сарае было тепло. Мылись по очереди. Каждой семье перед баней бригадир выдавал по 2-3 куска душистого мыла. Бабы нюхали его и радовались. Мыло им напоминало довоенную жизнь.

Бабы с утра уже переругаются, кому идти в баню. Бригадир разрешал спор просто. Первыми шли мыться передовицы. Здесь же на доске бригадир углем писал, сколько снопов навязала каждая женщина.

На этом баба Шура закончила свой рассказ. Она, прихрамывая, проводила меня до калитки, а потом долго смотрела на меня из окошка. Уходя, я представляла не пожилую женщину, жившую в те не очень легкие времена, а веселую, бойкую девчонку с обыкновенным деревенским именем — Шурочка.

24.10.2016

